

СКАЗКА О ЕМЕЛЕ, КАК ОНО МОГЛО БЫТЬ НА САМОМ ДЕЛЕ

Много чудес на Святки приключается. Кто-то в медведя рядится, кто-то горящее колесо катит, кто-то Спасителя во всю силу славит. Один угощение готовит, другой его съесть норовит. И кто там, в святочной толпе, ходит — парни ли переодетые, бесы ли, — кто их разберет. Да и чудеса всякие случаются. Вот что в нашем царстве-государстве на Святки приключилось.

Жили три брата. Старшие работающие да женатые, а третий — Емеля-бездела. Надо Емеле пахать — слезами три раза умоется, прежде чем на поле выйдет. Надо Емеле косить — смотришь, а он под деревом с косой в обнимку уж спит. И бабушка на Емелю сердилась, и матушка за чуб таскала — а толку-то. Все хитрит, все придумывает, как бы так сделать, чтобы с печи не слезать. И ума небольшого, и трудолюбия невеликого. Вот раз на Святки невестки и просят Емелю:

— Поди, Емеля, на реку за водой!

— Не пойду, — отвечает. — Мне воды не надо, пить и квас можно.

Однако же посулили невестки пирогов, да булок, да щей горшок. А без воды какая опара, какие щи? Слез Емеля с печи, пошел к речке. Ведер-то два. Несет Емеля ведра, руками размахивает; чай не баба, чтобы с коромыслом шастать. Нога за ногу заплетается, да мороз остановиться подремать не дает, за уши пощипывает, под зипун заглядывает. Долго ли, коротко ли, а дошел Емеля до проруби. Вон она, голубеет — река-то морозом скована, околдована; лед толстый, надежно в глубине всякую подводную нечисть держит.

Одним ведром из проруби зачерпнул... А к той проруби подышать шуликуны собрались — стало быть, мелкая нечисть, что

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

в Святки орудует. Мелкая-то мелкая, да зловредная, беспокойная. Кто с ними разговор начнет — тот им свою силу отдает. А они и рады. Взял Емеля второе ведро и в прорубь заглянул. А там царь-рыбица стоит — щука, хороша да зелена, здоровая, как полено!

— Вот славно! — обрадовался Емеля. — Словлю, домой снесу, уха аль пирожки со щучиной будут!

Сунул руки по локоть в прорубь, цап щуку! Да только не просто так щука к проруби поднялась. Потревожили ее шуликуны, нацеплялись на рыбину; а как Емеля ее ухватил, за рукава своими крюками зацепились и на плечи ему перебрались. Зипун-то Емеля правильно надел, а не навыворот, как в Святки положено.

Держит Емеля щуку, а шуликуны ему в два уха и говорят:

— Отпусти ты меня, Емелюшка! Век тебя не забуду! — Щуке сухо на воздухе, пасть она разевает, будто говорит. — А я, Емелюшка, все твои желания выполнять буду, скажи только: «По моему хотенью да по щучьему веленью!» Так до самого Крещения и буду служить тебе верой и правдой!

— Ух ты! — удивился Емеля. — А ну-ка, попробую! Налейтесь, ведра, водой доверху да домой ступайте — по моему хотенью да по щучьему веленью!

Захотали шуликуны неслышно. Видимо-невидимо их уже вылезло, пока Емеля-бездела со щукой разговаривал. Наплескали воды в ведра, сами в нее попрыгали, а другие бесы мелкие схватили ведра да к дому и побежали. Где это видано, чтобы их люди сами в дом звали? Вот уж повезло так повезло!

Обрадовался Емеля. Бросил щуку в воду и пошел, радостный, за ведрами следом. На нем шуликунов сотня сидит, а он не чувствует. Увидели невестки, что ведра сами к дому бегут, — так без чувств обе и повалились. Щи опрокинули и квашню тоже. Вошел Емеля, напугался, что братья придут да наподдадут ему.

— А ну-ка, ставься, опара, готовьтесь, щи! Пусть пир на весь мир будет у нас — по моему хотенью да по щучьему веленью! Гости пусть толпой, дым — коромыслом!

Бросились шуликуны к мукe да к капусте, а главное — к печи, где жар да уголья. Любят шуликуны печи, для угольков тлеющих ковшики у них железные есть. Готовят по Емелиному приказу, сами едят, а больше портят, но и дело делают — как по волшебству, поднялась опара пышная да сдобная, щи закипели наваристые, только не от доброго колдовства так все пошло, а от злого да проказливого. Лег Емеля на лавку, смотрит, как невестки хлопочут — очнулись, бегают как заговоренные, — пироги затворяют, а опара все не кончается; щи горячие по мискам разливают, а щей-то все прибывает.

Тут и ряженые подоспели, и соседи, и просто люди мимохожие. Невестки их в дом зазвали, к столу сажают. И братья Емелины тут, и батюшка с матушкой — все едят, наесться не могут. Глянул Емеля, и показалось ему, что по гостям да по столу словно маленькие чертенята прыгают, копытцами постукивают, людям на плечи заскакивают, под воротники зипунов прячутся...

Заглянул в избу служка церковный, перекрестился да со всех ног к царю-батюшке и бросился.

— Так и так, царь-батюшка, у Емели в избе непонятное творится. Дрова сами на дворе рубятся да колются, да так, что щепаво все стороны; еда готовится, едят ее гости, да наесться не могут; огонь в очаге гудит, как бы пожара не случилось; скотина мычит недоена, необихожена; а еще по столу кружки с мисками сами прыгают...

Емеле тем временем веселье наскучило. Крикнул он:

— А ну, по домам все — по моему хотенью да по щучьему веленью! Ишь, шум развели! Спать буду!

Шуликуны все дела побросали и под печь забились, хихикают. Холодно и мокро им в реке, а печка теплая да могучая. Любят

они печи; если получается, то под печами и селятся. Один к ухвату — зацепил ухватом платье невесткино, порвал. Другой в горшок — упал горшок Емелиному брату на ногу, пальцы отбил. Другие крючьями за карманы зацепились да в них запрыгнули, в новые дома собрались — карманы-то наверху, а ежели одежду навыворот надеть, то карманы внутри будут, никто в них и не заберется.

Разошлись люди, будто одурманенные. И ели, а не сытые; и веселились, а не веселые. Выходят и ссориться начинают, друг друга упрекать. Это шуликуны им за шиворот свои уголья ссоры да раздора сыплют. А такие угольки и вовсе дотла сжечь человека могут. Приходит тут от самого царя-батюшки воевода:

— Слышали в тереме царском, что ты, Емеля, нечисть тут развел. Велит тебе царь к нему на поклон явиться да объясниться.

Зачесался Емеля. На печи тепло, на улице холодно. Да царского приказа послушаться боязно. Пораскинул умишком как сумел... да и говорит:

— А ну-ка, печь, вези меня во дворец! По моему хотенью да по щучьему веленью!

Вздроснула изба... Схватили шуликуны печь, подлезли под нее, подняли да и как понесут! Не куда-нибудь, в царский дворец приглашены! Как такое упустить, можно и поднаться! А Емеле чудится, что сама печь едет! Трубой потолок выломала, боком беленым стену выбила — осталась изба без стены, повалилась кровля... Пришибло скотину в сенях, развалился дом. Взвыли невестки, запричитали батюшка с матушкой, а Емеле что — едет, по сторонам смотрит; кто под печь попадет, сам виноват.

Вон сосед с соседкой на улице мутузят друг друга почем зря. Шуликуны вокруг бегают, визжат, треугольные шапочки подкидывают — радуются.

Вот другой дом вроде как огнем заниматься начал. Просыпались там раскаленные угольки под край соломенной крыши, под стреху.

Вон корова по улице бежит; кто же ее, кормилицу-то, в мороз на улицу выпустил!

Вон лошадушка с пустой телегой скачет, из телеги хвост сыплется. Вожжи шуликун в ручонках держит, хохочет...

Беда! А Емеле смешно, забавно. Едет, не оборачивается.

А вот и дворец царский. Заезжает печь важно, никто не остановил — стражники так рты и поразевали. Приехала печь прямо пред светлы очи царя-батюшки. Струхнул царь, да виду не подает:

— Это что ты, Емеля, устроил? Печью народ давишь, среди людей смута! Не из-за тебя ли безобразие в моем царстве-государстве делается? А ну, рассказывай, что за волшебство у тебя такое!

А Емеля небольшого ума был. Небольшого, да смекнул: говорила ему щука, что чудеса только до Крещения при нем, а потом-то что? Привык он уже.

— Отдай за меня дочку свою, царь, чтобы жить мне в твоём тереме, на печи расписной лежать, вовек не работать! Расскажу тогда.

А дочка царева — Марья — до того пригожа была да разумна, что хотели ее выдать замуж за королевича заморского. Только вот Емеля раньше подвернулся.

— Что ты несешь, Емеля? — рассердился царь-государь. — За недотепу ленивого царскую дочь отдать?

— А вот хочу я, чтобы — по моему хотенью да по щучьему веленью — полюбила меня царевна Марья!

Выбежала тут Марья, на печь к Емеле запрыгнула, обняла его:

— Не пойду ни за кого, кроме Емели!

Веселятся шуликуны. Вот куда их воля Емелина завела! Еще немножко — и все царство-государство их делается! Хоть и не надолго, а бед натворить успеют...

— Да он же Емеля-бездедя! — заголосил царь-государь. — На что тебе такой сдался? Ни лицом, ни головушкой не вышел!

Обиделся Емеля:

— А вот сделаюсь красавцем писаным да мудрецом-книгоцеем враз, пожалеешь, что обижал меня! По щучьему веленью да по моему хотенью — пусть будет так!

Взвыли шуликуны...

Но взялись шутить на Святки так взялись — исполнили. Был Емеля-бездедя, а стал писаный красавец, косая сажень в плечах, да еще и умище как у министра! Только ненастоящий он, оборотень... злым колдовством ум добытый в дело не пустить.

А из уголка служка церковный глядел. Глядел да увидел, что на всей утвари печной: на заслонках, на ухватах, на трубе и на горшках — шуликуны, бесы святочные. Они и колдуют! И во весь дух в церковь побежал за водой святой да искать, кто в вывернутом тулупе колядовал и шуликунам не поддался.

Заозирался Емеля с печи — понял, что происходит. Обнял Марью покрепче, открыл рот, чтобы желание сказать, — а не говорится: шуликуны не дают. Попробовал с печи спрыгнуть — не выходит, за одежду шуликуны держат. Только и может, что мычать, головой мотать, царскую дочку обнимать...

Вернулся церковный служка, а с ним ряженные с факелами да со святой водой. И хотят Емеле помочь, да делать нечего — брызгают святой водой, бьют сыромятными кнутами накрест, гонят печь окаянную с шуликунами-бесенятами к реке. Печь как рванула с места — не всякой лошади догнать! Люд с дороги рассыпается, впереди ватаги церковный служка на коне скачет... Не могут с печи Емеля с Марьей спрыгнуть, держат их шуликуны.

Попали они в заточение: кто с шуликунами говорил и колдовством их пользовался — тот их навеки становится.

А на реке замерзшей уже тройки запряженные. Кони горячие, печорские, вятские да мезенские, — они шуликунов не боятся, если бес повода не схватит. Погнали печь тройками, лошадиными копытами крепкими, подковами стальными! Марья кричит, птичкой бьется; Емеля если не сам спрыгнуть, то хоть цареву дочку столкнуть норовит. Да только не выходит...

Так и гнали тройками печь до самой проруби. Там лед под ней поддался — и ушла печь с Емелей и царской дочкой на самое дно навсегда... И разом морок с людей спал.

Место то на самой середине реки. Летом туда не добраться, а вот по зиме, когда вода чистая и прозрачная, можно сквозь лед увидеть на самом дне печь Емелину. Но место это люди с тех пор обходят и воду на другом берегу берут. От греха подальше. Считают в деревне, что шуликуны так и остались к той печи приколдованы, да к Емеле с Марьей, да ко дну речному, да к щукам старым...

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

